

САМОУБИЙСТВА В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (по данным электронных СМИ в 2002-2021 гг.)

В.А. Козлов, А.В. Голенков, Д.А. Иванова, Е.К. Бахман

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», г. Чебоксары, Россия
БУ «Республиканская психиатрическая больница», г. Чебоксары, Россия

SUICIDES IN THE CHUVASH REPUBLIC (according to electronic media in 2002-2021)

V.A. Kozlov, A.V. Golenkov,
D.A. Ivanova, E.K. Bakhman

I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia
Republican Children's Clinical Hospital, Cheboksary, Russia

Сведения об авторах:

Козлов Вадим Авенирович – доктор биологических наук, кандидат медицинских наук, доцент (SPIN-код: 1915-5416; ResearcherID: I-5709-2014; ORCID iD 0000-0001-7488-1240; Scopus Author ID: 56712299500). Место работы и должность: профессор кафедры медицинской биологии с курсом микробиологии и вирусологии ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». Адрес: Россия, г. Чебоксары, Московский проспект, 45. Телефон: +7 (903) 379-56-44, электронный адрес: pooh12@yandex.ru

Голенков Андрей Васильевич – доктор медицинских наук, профессор (SPIN-код: 7936-1466; ORCID iD: 0000-0002-3799-0736; Researcher ID: C-4806-2019; ScopusAuthorID: 36096702300). Место работы и должность: заведующий кафедрой психиатрии, медицинской психологии и неврологии ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». Адрес: г. Чебоксары, ул. Пирогова, 6; БУ «Республиканская детская клиническая больница». Адрес: Россия, г. Чебоксары, Московский проспект, 15. Телефон: +7 (905) 197-35-25, электронный адрес: golenkovav@inbox.ru

Иванова Дарья Альбертовна – студентка (SPIN-код: 3040-0302, AuthorID: 1152680; ORCID iD: 0000-0001-7516-776X). Место учёбы: ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». Адрес: Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 15. Электронный адрес: dashken690@yandex.ru

Бахман (Никонорова) Екатерина Константиновна – студент (SPIN-код: 4648-7303, AuthorID: 1158213; ORCID iD: 0000-0002-2605-2525). Место учёбы: ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». Адрес: Россия, г. Чебоксары, Московский пр., 15. Электронный адрес: nikkaty021@mail.ru

Information about the authors:

Kozlov Vadim Avenirovich – MD, PhD, Professor (SPIN-code: 1915-5416; Researcher ID: I-5709-2014; ORCID iD: 0000-0001-7488-1240; Scopus Author ID: 56712299500). Place of work and position: Professor of the Department of Medical Biology with a course in Microbiology and Virology, I.N. Ulyanov Chuvash State University. Address: 45 Moskovsky prospect, Cheboksary, Russia. Phone: +7 (903) 379-56-44, email: pooh12@yandex.ru

Golenkov Andrei Vasilievich – MD, PhD, Professor (SPIN-code: 7936-1466; Researcher ID: C-4806-2019; ORCID iD: 0000-0002-3799-0736; Scopus Author ID: 36096702300). Place of work and position: Head of the Department of Psychiatries, Medical Psychology and Neurology, I.N. Ulyanov Chuvash State University. Address: 6 Pirogov Str., Cheboksary, Russia; Republican Children's Clinical Hospital. Address: 15 Moskovsky Prospect, Cheboksary, Russia. Phone: +7 (905) 197-35-25, email: golenkovav@inbox.ru

Ivanova Daria Albertovna – student (SPIN-code: 3040-0302, AuthorID: 1152680; ORCID iD: 0000-0001-7516-776X). Place of study: student of I.N. Ulyanov Chuvash State University. Address: 6 Pirogov Str., Cheboksary, Russia. Email: dashken690@yandex.ru

Bakhman (Nikonorova) Ekaterina Konstantinovna – student (SPIN-code: 4648-7303, AuthorID: 1158213; ORCID iD: 0000-0002-2605-2525). Place of study: student of I.N. Ulyanov Chuvash State University. Address: 6 Pirogov Str., Cheboksary, Russia. Email: nikkaty021@mail.ru

Цель исследования: изучить структуру, динамику и мотивы завершённых самоубийств в Чувашии с 2002 по 2021 гг. *Материалы и методы.* В электронных средствах массовой информации Чувашской Республики за 20 лет (2002-2021 гг.) удалось собрать информацию о 409 случаях (мужчин – 281, женщин – 128) самоубийств (от 2 до 54 случаев в год), совершённых лицами в возрасте от 11 до 93 лет (средний возраст – 35,8 ± 16,9 года). На каждый случай самоубийства выписывались демографические показатели (пол, возраст), наличие психических расстройств, употребление алкоголя, вероятные причины (мотивы). *Результаты.* Большинство (78,2%) самоубийц было в трудоспособном возрасте (18-59

лет). Самым распространенным способом добровольного ухода из жизни оказалось повешение (54,5%), которое встречалось чаще у мужчин (59,4% vs 43,8% у женщин), особенно в группе 18-59 лет. Затем следовали прыжки (падение) с высоты (30,6%); здесь среди самоубийц уже лидировали женщины (43,8% vs 24,6% у мужчин). На остальные способы самоубийств в сумме приходилось около 15%. При этом выделялись случаи ухода из жизни с помощью огнестрельного оружия, к которому прибегали только мужчины (7,5%). Из причин самоубийств лидировали (28,3%) конфликты в межличностных взаимоотношениях. Особенно значимым был разрыв отношений с противоположным полом для девушек, в результате которого они совершали самоубийство (41,1% vs 18,2% у мужчин). Почти в половине случаев (48,2%) мотивы ухода из жизни установить не удалось. У мужчин к самоубийству чаще приводили различные административные наказания (7,4%), а у женщин – поведение окружающих с доведением их до самоубийства (6,3% vs 1,8% у мужчин). Психические расстройства у суицидентов встретились в единичных случаях (2%), опьянение – несколько чаще (13%). Повешение в последнее десятилетие в репортажах журналистов упоминалось значительно реже (64,4% vs 45,6% в 2012-2021 гг.), а прыжки с высоты – в два с лишним раза чаще (40,9% vs 19,1%). *Заключение.* За прошедшие 20 лет уменьшился возраст суицидентов, несколько изменилась структура методов самоубийств и их причины. Нужны дополнительные исследования для разработки эффективных профилактических программ самоубийств в республике.

Ключевые слова: самоубийство, демография, причины, Чувашия (Чебоксары)

Самоубийства являются ведущей среди 10 причин смерти людей в Европейском регионе, куда входит и Россия [1]. Согласно сведениям, более одной (1,4%) из каждых 100 смертей произошло от самоубийств [2]. Выявление их причин остаётся не простой задачей из-за сложного взаимодействия медико-психологических, социально-демографических и прочих факторов [3]. Известно, что уровень самоубийств, как правило, выше среди представителей мужского пола и лиц старших возрастных групп [4], но сильно колеблется среди стран и в динамике [5]. Для мужчин и женщин большинство методов самоубийств примерно одинаковые [6], однако они могут варьировать в различных популяционных группах [7], поэтому необходим периодический мониторинг суицидологической обстановки на местном, региональном и мировом (континентальном, страновом) уровне [8].

Вышеперечисленные факты в полной мере характерны и для субъектов Российской Федерации [1, 9]. Наши предыдущие исследования в Чувашии (Чебоксарах) показали особенности распространённости самоубийств в половозрастных группах, местах проживания людей, среди больных с психическими (наркологическими) расстройствами [10-15]. Были описаны способы суицидального поведения, обсуждались связи с приёмом алкоголя, днями недели, временами года, микроритмами и др. [16, 17]. Удалось рассчитать примерные экономические потери от самоубийств в республике [13]. Однако с тех пор прошло около 20 лет и многие данные устарели и требуют обновления. Это необходимо для оценки суицидологической обстановки в регионе и совершенствования мероприятий по её улучшению.

Suicide is the leading among the 10 causes of death in the European Region, which includes Russia [1]. More than one (1.4%) of every 100 deaths has been reported to be due to suicide [2]. Identification of their causes remains not an easy task due to the complex interaction of medical-psychological, socio-demographic and other factors [3]. It is known that suicide rates tend to be higher among males and older age groups [4], but vary greatly across countries and over time [5]. For men and women, most suicide methods are approximately the same [6], however, they can vary in different population groups [7], therefore, periodic monitoring of the suicidal situation at the local, regional and global (continental, country) level is necessary [8].

The above facts are fully characteristic of the constituent entities of the Russian Federation [1, 9]. Our previous studies in Chuvashia (Cheboksary) showed the prevalence of suicides in gender and age groups, places of residence of people, among patients with mental (drug) disorders [10-15]. Methods of suicidal behavior were described, and connections with alcohol intake, days of the week, seasons, microrhythms, etc. were discussed [16, 17]. It was possible to calculate the approximate economic losses from suicide in the republic [13]. However, about 20 years have passed since then, and many of the data are outdated and require updating.

Цель исследования: изучить структуру, динамику и мотивы завершённых самоубийств в Чувашии с 2002 по 2021 гг.

Материалы и методы.

В электронных средствах массовой информации (СМИ) Чувашской Республики за 20 лет (2002-2021 гг.) удалось собрать информацию о 409 случаях самоубийств (от 2 до 54 случаев в год), совершённых лицами в возрасте от 11 до 93 лет (средний возраст – 35,8±16,9 года), среди которых женщин было 128 человек (12-93; средний возраст – 33,7±17,8), мужчин – 281 (11-91; средний возраст – 36,8±16,4).

На каждый случай самоубийства выписывались социально-демографические показатели, способы ухода из жизни, наличие психических расстройств, употребление алкоголя, вероятные причины и мотивы. Математико-статистическая обработка осуществлялась с помощью описательной статистики, χ^2 -распределения и t-критерия.

Результаты исследования.

Как видно из табл. 1, большинство (78,2%) самоубийц было в трудоспособном возрасте (18-59 лет). Соотношение мужчин и женщин в трех возрастных группах достоверно не различалось ($\chi^2=1,439$; $p=0,486$), как и их средний возраст ($t=1,72$; $p=0,085$).

Таблица / Table 1

Распределение суицидентов по полу и возрасту
Distribution of suicide attempters by sex and age

Возраст Age groups	Оба пола Both sexes		Мужчины Male		Женщины Female	
	n	%	n	%	n	%
До 18 лет Under 18 year	44	10,8	27	9,6	17	13,3
19-59 лет 19-59 years old	320	78,2	224	79,8	96	75
60 и старше 60 and older	45	11	30	10,6	15	11,7
Всего Total	409	100,0	281	100,0	128	100

Как видно из табл. 2, самым распространённым способом добровольного ухода из жизни оказалось повешение (54,5%), которое встречалось чаще у мужчин (59,4% vs 43,8% у женщин; $\chi^2=8,721$; $df=1$; $p=0,003$), особенно в группе 18-59 лет ($\chi^2=17,336$; $df=2$; $p<0,001$). Затем следовали прыжки (падение) с высоты (30,6%); здесь среди самоубийц уже лидировали женщины (43,8% vs 24,6% у мужчин; $\chi^2=15,268$;

This is necessary to assess the suicidological situation in the region and improve measures to improve it.

The aim of the study: to study the structure, dynamics and motives of completed suicides in Chuvashia from 2002 to 2021.

Materials and methods.

In the electronic media (media) for 20 years (2002-2021) of the Chuvash Republic it was possible to collect information on 409 cases of suicide (from 2 to 54 cases per year) committed by persons aged 11 to 93 years (average age – 35.8±16.9 years), among which there were 128 women (12-93; average age – 33.7±17.8), men – 281 (11-91; average age – 36.8±16, four).

For each case of suicide, socio-demographic indicators, ways of ending life, the presence of mental disorders, alcohol use, probable causes and motives were written out. Mathematical and statistical processing was carried out using descriptive statistics, χ^2 -distribution and t-criterion.

Research results.

As can be seen from Table. 1, the majority (78.2%) of suicides were of working age (18-59 years of age). The ratio of men and women in the three age groups did not differ significantly ($\chi^2=1.439$; $p=0.486$), as did their average age ($t=1.72$; $p=0.085$).

As can be seen from Table. 2, the most common way of voluntary death was hanging (54.5%), which was more common for men (59.4% vs 43.8% in women; $\chi^2=8.721$; $df=1$; $p=0.003$), especially in the group of 18-59 years old ($\chi^2=17.336$; $df=2$; $p<0.001$). This was followed by jumping (falling) from a height (30.6%); here women were already in the lead among suicides (43.8% vs 24.6% in men; $\chi^2=15.268$; $df=1$; $p<0.001$). High-rise residential buildings of various heights (from the 3rd to the 18th floor) were most often chosen as places for committing suicides, bridges and other buildings were much less common. The other methods of suicide accounted for about 15% in total. At the same time, there were cases of death with the help of fire-

df=1; p<0,001). В качестве мест для совершения самоубийств чаще всего выбирались высотные жилые здания различной этажности (с 3 по 18 этаж), значительно реже мосты и другие постройки. На остальные способы самоубийств в сумме приходилось около 15%. При этом выделялись случаи ухода из жизни с помощью огнестрельного оружия, к которому прибегали только мужчины (7,5% vs 0% у женщин; $\chi^2=8,607$; df=1; p=0,003); данный способ также не встретился нам у несовершеннолетних лиц. Как правило, использовались охотничьи ружья; табельное и самодельное оружие упоминалось в единичных репортажах.

Таблица / Table 2

Способы самоубийства в двух сравниваемых группах, %
Methods of suicide in two compared groups, %

Способ самоубийства Method of suicide	Всего Total	Мужчины Male	Женщины Female
Самоповешение Self-hanging	54,5	59,4	43,8
Падение с высоты Falling from height	30,6	24,6	43,8
Огнестрельное оружие Gunshot	5,1	7,5	–
Колюще-режущие предметы Sharp Implement	2,0	1,8	2,3
Самоподжог Self-arson	1,5	1,8	0,8
Прыжок под поезд Jump under a train	1,5	1,1	2,3
Отравление таблетками Poisoning with pills	1,0	0,4	2,3
Утопление Drowning	0,5	0,4	0,8
Прочие методы Other methods	3,4	3,2	3,9
Всего Total	100,0	100,0	100,0

Из причин самоубийств лидировали (28,3%) конфликты в межличностных взаимоотношениях. Особенно значимым был разрыв отношений с противоположным полом для девушек, в результате которого они совершали самоубийство (41,1% vs 18,2% у мужчин; $\chi^2=4,773$; df=1; p=0,032). Почти в половине случаев (48,2%) мотивы ухода из жизни установить не удалось.

arms, which were resorted to only by men (7.5% vs 0% in women; $\chi^2=8.607$; df=1; p=0.003); this method also did not occur to us in minors. As a rule, hunting rifles were used; standard-issue and home-made weapons were mentioned in single reports.

Of the causes of suicide, conflicts in interpersonal relationships were the leading cause (28.3%). Particularly significant was the break in relations with the opposite sex for girls, as a result of which they committed suicide (41.1% vs 18.2% in men; $\chi^2=4.773$; df=1; p=0.032). In almost half of the cases (48.2%), the motives for leaving life could not be established.

Mental disorders in suicide attempters occurred in isolated cases (2%), intoxication – somewhat more often (13%). In men, suicide was more often caused by various administrative punishments (7.4% vs 0% in women; $\chi^2=8.607$; df=1; p=0.003), and in women, the behavior of others leading them to commit suicide (6.3% vs 1.8% in men; $\chi^2=7.256$; df=1; p=0.007).

Comparison of suicides in 2002-2011 and 2012-2021 showed a significant difference in suicide methods ($\chi^2=23.508$; df=3; p<0.001). Hanging was mentioned much less frequently in reports in the last decade (64.4% vs 45.6% in 2012-2021; $\chi^2=14.616$; df=1; p<0.001), while jumping from a height was mentioned more than twice more often (40.9% vs 19.1% in 2002-2021; $\chi^2=22.959$; df=1; p<0.001). Post-homicidal (post-criminal) suicides began to be recorded more often (n=18) [18, 19].

Discussion.

The sample of 409 suicide attempters collected in the electronic media is representative for Chuvashia (95% confidence probability of a sample of 384 people for 1,313,754 residents of the Chuvash Republic in 2002 and 1,186,909 in 2021; with a confidence interval of 5%)². There were significantly more urban residents among suicides (83.9%) than in the population of the republic as a whole (65%). Although there were more

²Sample size calculator: <https://www.questionstar.ru/statiy/calculator-size-viborki>

Психические расстройства у суицидентов встретились в единичных случаях (2%), опьянение – несколько чаще (13%). У мужчин к самоубийству чаще приводили различные административные наказания (7,4% vs 0% у женщин; $\chi^2=8,607$; $df=1$; $p=0,003$), а у женщин – поведение окружающих с доведением их до самоубийства (6,3% vs 1,8% у мужчин; $\chi^2=7,256$; $df=1$; $p=0,007$).

Сравнение самоубийств в 2002-2011 гг. и 2012-2021 гг. показало существенное различие в способах самоубийств ($\chi^2=23,508$; $df=3$; $p<0,001$). Повешение в последнее десятилетие в репортажах упоминалось значительно реже (64,4% vs 45,6% в 2012-2021 гг.; $\chi^2=14,616$; $df=1$; $p<0,001$), а прыжки с высоты – в два с лишним раза чаще (40,9% vs 19,1% в 2002-2021; $\chi^2=22,959$; $df=1$; $p<0,001$). Чаще стали фиксироваться постгомицидные (посткриминальные) самоубийства ($n=18$) [18, 19].

Обсуждение.

Собранная в электронных СМИ выборка из 409 суицидентов является репрезентативной для Чувашии (доверительная вероятность 95% выборки 384 человека для 1313754 жителя Чувашской Республики в 2002 г. и 1186909 – в 2021 г.; при доверительном интервале – 5%)¹. Городских жителей среди самоубийц было значительно больше (83,9%), чем в популяции республики в целом (65%). Хотя мужчин (281) было больше женщин, пропорции оказалась несколько меньше (2,1 : 1) обычно наблюдаемой в регионах Российской Федерации (3-4, и более к 1 [1, 20]; в Чебоксарах 4,1 : 1 [12]).

По сравнению с нашими прошлыми исследованиями [15] средний возраст суицидентов (на примере случаев из Чебоксар) оказался существенно меньше (35,8±16,9 vs 43,2±16,2 года; $p<0,001$), в том числе и среди мужчин (36,8±16,4 vs 41,1±14,8 года; $p<0,001$), и среди женщин (33,7±17,8 vs 50,5±18,6 года; $p<0,001$) [12]. В 2002-2021 гг. значительно больше наблюдалось суицидентов в возрасте 12-19 и 20-29 лет ($p<0,001$), а в 1997-2002 гг. – соответственно – 40-49, 50-59, 60-69 ($p=0,04<0,001$) без различий в возрастных группах 30-39 и 70 лет и старше. С одной стороны, в этом усматривается тенденция к снижению возраста самоубийцы в Республике, наблюдающаяся с конца прошлого века и продолжающаяся до настоящего времени. С другой, журналисты вольно или невольно, отдают предпочтение таким случаям в своих репортажах [21]. Возможно с этим можно связать достоверные изменения спосо-

men (281) than women, the proportion was somewhat lower (2.1:1) than usually observed in the regions of Russia (3-4, and more to 1 [1, 20]; in Cheboksary 4.1:1 [12]).

Compared with our previous studies [15], the average age of suicide attempters (using the cases from Cheboksary as an example) turned out to be significantly lower (35.8±16.9 vs 43.2±16.2 years; $p<0.001$), including among men (36.8±16.4 vs 41.1±14.8 years; $p<0.001$), and among women (33.7±17.8 vs 50.5±18.6 years; $p<0.001$) [12]. In 2002-2021 there have been significantly more suicide attempters observed at the age of 12-19 and 20-29 ($p<0.001$), and in 1997-2002 – respectively – 40-49, 50-59, 60-69 ($p=0.04<0.001$) without differences in the age groups of 30-39 and 70 years of age and older. On the one hand, this is seen as a downward trend in the age of suicide in the Republic, which has been observed since the end of the last century and continues to the present. On the other hand, journalists, wittingly or unwittingly, prefer such cases in their reports [21]. Perhaps this can be associated with significant changes in the methods of suicide over the past 20 years. The number of cases of suicidal jumps (falls) from a height increased sharply from 4.7% to 30.6% ($\chi^2=145.7$; $df=1$; $p<0.001$), the use of firearms from 0.9% to 5.1% ($\chi^2=15.316$; $df=1$; $p<0.001$), with a decrease in cases of self-hanging (from 78.8% to 54.5%; $\chi^2=50.415$; $df=1$; $p<0.001$); poisoning from 12.4% to 1%; $\chi^2=32.914$; $df=1$; $p<0.001$; suicides with piercing and cutting objects did not change significantly (2.4% vs 2%; $\chi^2=0.004$; $df=1$; $p>0,05$) These methods of voluntary death were the main ones in most (58) countries of the world in 2000-2015 [5, 22]. In Chuvashia, pesticide poisoning and death from explosives were rare.

The suicidal spectrum of suicide methods changes over time, which is associated with socio-demographic trends occurring in society and preventive measures [23]. Another aspect that re-

¹Калькулятор размера выборки: <https://www.questionstar.ru/statiy/calculator-razmera-viborki>

бов самоубийств за прошедшие 20 лет. Резко увеличилось число случаев суицидальных прыжков (падений) с высоты с 4,7% до 30,6% ($\chi^2=145,7$; $df=1$; $p<0,001$), использование огнестрельного оружия с 0,9% до 5,1% ($\chi^2=15,316$; $df=1$; $p<0,001$), при снижении случаев самоповешения (с 78,8% до 54,5%; $\chi^2=50,415$; $df=1$; $p<0,001$; отравлений с 12,4% до 1%; $\chi^2=32,914$; $df=1$; $p<0,001$; самоубийств с помощью колюще-режущих предметов существенно не изменилось (2,4% vs 2%; $\chi^2=0,004$; $df=1$; $p>0,05$). Указанные методы добровольного ухода из жизни являлись основными в большинстве (58) стран мира в 2000-2015 гг. [5, 22]. В Чувашии редко встречались отравления пестицидами и смерть от взрывных веществ.

Суицидальный спектр методов самоубийств меняется с течением времени, что связано с социально-демографическими тенденциями, происходящими в обществе и проведением профилактических мероприятий [23]. Другой аспект, который требует исследования, это взаимная причинность между сообщениями в газетах (СМИ) о самоубийствах и фактическими самоубийствами [24], особенно среди женщин и молодых людей [25]. Наилучшее доступное вмешательство для населения по борьбе с вредным воздействием сообщений СМИ – это руководство по ответственному освещению трагических событий [26].

Наше предыдущее исследование показало, что 20,5% суицидентов г. Чебоксары официально обращались за психиатрической (психотерапевтической) или наркологической помощью; 44,3% среди них страдали алкоголизмом, 20,3% – шизофренией, 18,3% – пограничными психическими расстройствами [14]. Полученные 2% психических расстройств часто без уточнения патологии выглядят явно заниженным показателем. 10% психических расстройств мы наблюдались только у суицидентов пожилого возраста, в том числе в группах – 60-69 лет – 8,2%, 70 лет и старше – 1,8% [10]. Возможно, низкие показатели психической патологии у самоубийц отражают трудности журналистов при сборе такой информации, а, возможно, их недостаточную психиатрическую грамотность [27]. Между тем высокая доля суицидентов, совершающих прыжки с высоты, может свидетельствовать о выраженных психических расстройствах [23]. В частности, в зарубежной литературе получены убедительные доказательства о связи такого способа самоубийства с психотической патологией, необращаемостью населения за поддерживающей терапией [28]. Среди диагностических групп психических расстройств у «прыгунов» достоверно лидировали шизофрения, аффективная

quires investigation is the mutual causality between newspaper (media) reports of suicides and actual suicides [24], especially among women and young people [25]. The best available intervention for the public to fight the harmful effects of media reporting is creating guidance on responsible reporting of tragic events [26].

Our previous study showed that 20.5% of suicidal people in Cheboksary officially applied for psychiatric (psychotherapeutic) or drug treatment; 44.3% of them suffered from alcoholism, 20.3% from schizophrenia, and 18.3% from borderline mental disorders [14]. The resulting 2% of mental disorders often without specifying the pathology looks clearly underestimated. We observed 10% of mental disorders only in elderly suicides, including in groups of 60-69 years old – 8.2%, 70 years and older – 1.8% [10]. Possibly, low rates of mental pathology among suicide attempters reflect the difficulties of journalists in collecting such information, and, possibly, their insufficient psychiatric literacy [27]. Meanwhile, a high proportion of suicide jumpers may indicate severe mental disorders [23]. In particular, in the foreign literature, convincing evidence has been obtained about the connection of this method of suicide with psychotic pathology, and the population's unwillingness to seek maintenance therapy [28]. Schizophrenia and affective pathology were significantly leading among the diagnostic groups of mental disorders in jumpers [21]. Patients who committed such suicides had a history of psychotic disorders (delirium), prolonged hospitalization, a history of suicidal attempts, and were recorded by staff in connection with behavior dangerous to themselves and others [29].

Among suicide attempters, the share of those who committed suicide while intoxicated is extremely low (13%). Previously, we found alcohol intake in 55.8% of suicide attempters (61.1% of men and 36.6% of women) in Cheboksary [12], 11.9% among minors [11] and 48.5% among the elderly [ten]. In eight major

патология [21]. Больные, совершившие такие самоубийства, имели в анамнезе психотические расстройства (делирий), длительную госпитализацию, суицидальные попытки в анамнезе, фиксировались персоналом в связи с поведением опасным для них самих и окружающих [29].

Чрезвычайно низкой у суицидентов выглядит доля, совершивших самоубийство в состоянии алкогольного опьянения (13%). Ранее мы обнаружили приём алкоголя у 55,8% суицидентов (61,1% мужчин и 36,6% женщин) г. Чебоксары [12], 11,9% – среди несовершеннолетних [11] и 48,5% – у пожилых лиц [10]. В восьми крупных газетах Непала только в 6% и 2,4% отчётов упоминалась связь самоубийств с психическими расстройствами и злоупотреблением психоактивными веществами [30].

Ограничениями нашего исследования является использование материала из электронных СМИ, хотя число наблюдений достаточно большое и максимально возможное; попытки найти дополнительные случаи самоубийств за 2002–2021 гг. и тем самым расширить выборку не увенчались успехом. Между тем, в публикациях из Индии выявлялись некоторые статистически значимые расхождения (на уровне $p < 0,001$) между характеристиками самоубийств среди населения и СМИ. К таковым относились: самоубийства с участием женщин, лиц в возрасте до 30 лет, разлученных или овдовевших мужчин, незамужних женщин, лиц, применяющих методы ухода из жизни с высокой летальностью (повешение, прыжки с высоты и падение под транспортные средства), а также студенты или работающие в сельскохозяйственном секторе. Данные о самоубийствах среди мужчин, в возрасте старше 30 лет и старше, состоящих в браке и отравлениях оказались значительно занижены относительно их встречаемости в общей популяции [31]. В другой статье 87% сообщений СМИ были о завершённых суицидах. Несоответствующая отчётность касалась многих показателей суицидентов. Так, метод самоубийства был указан в 89%, пол – в 95%, имя – в 90%, возраст и место самоубийства – в 80%, жизненные (стрессовые) события как причина добровольного ухода их жизни – в 75% (одна какая-то причина – в 61%), род занятий – в 70%. Но только в 16% заметок сообщили о психическом расстройстве, связанном с суицидом, и менее 3% предоставили информацию о предотвращении самоубийств и телефонах доверия [32].

В Китае, включая Гонконг, эпидемиологические сравнения выявили чрезмерную представленность самоубийств в более молодом возрасте и недостаточ-

newspapers in Nepal, only 6% and 2.4% of reports mentioned the association of suicide with mental disorders and substance abuse [30].

The limitations of our study are the use of material from the electronic media, although the number of observations is quite large and the maximum possible; attempts to find additional suicide cases for 2002–2021 and thereby expanding the sample were unsuccessful. Meanwhile, publications from India revealed some statistically significant discrepancies (at $p < 0.001$) between the characteristics of suicide among the population and the media. These included: suicides involving women, persons under the age of 30, separated or widowed men, unmarried women, persons using high-fatality methods (hanging, jumping from heights and falling under vehicles), and students or working in the agricultural sector. Data on suicide among men over the age of 30 years and older, married and poisoning were significantly underestimated relative to their occurrence in the general population [31]. In another article, 87% of media reports were about completed suicides. Misreporting related to many indicators of suicide attempters. Thus, the method of suicide was indicated in 89%, gender – in 95%, name – in 90%, age and place of suicide – in 80%, (stressful) life events as the reason for the voluntary departure of their lives – in 75% (only one reason was reported in 61%), occupation – in 70%. But only 16% of the notes reported suicide-related mental disorder, and less than 3% provided information on suicide prevention and helplines [32].

In China, Hong Kong, epidemiological comparisons have shown an overrepresentation of suicides at younger ages and an underrepresentation of suicides in older adults. In addition, female suicides were found to be little reported in newspapers in Taiwan and Guangzhou, with the exception of the media in Hong Kong [33]. Newspapers tended to often report on those suicide victims who had relationship problems, but rarely on those who had family problems. Reporting of suicides was selective and coverage was

ную – у лиц позднего возраста. Кроме того, было обнаружено, что о женских самоубийствах мало сообщается в газетах Тайваня и Гуанчжоу, за исключением СМИ Гонконга [33]. Газеты, как правило, часто сообщали о тех жертвах самоубийства, у которых были проблемы в отношениях, но редко – у кого были проблемы в семье. Отчёты о самоубийствах были выборочными, а охват был неполным, например, о самоубийствах студентов сообщалось слишком много. С учётом проведённого анализа авторы рекомендовали партнёрский подход с активным участием СМИ в предотвращении самоубийств, чтобы специалисты по коммуникациям могли более активно участвовать в работе по предотвращению самоубийств [34]. По сравнению с самоубийствами молодёжи (50,5%) и городского населения (91,6%), социальные сети занижали количество самоубийств среди пожилых людей (8,2%) и сельских жителей (8,4%). Практика полезной отчётности была очень ограниченной (например, только 0,08% отчетов содержали прямую информацию о программах поддержки людей из группы «суицидологического риска») [35].

В онлайн-СМИ Ганы жертвами самоубийств были преимущественно мужчины (85,9%) и молодые люди (средний возраст – 34,8±15,7 года, диапазон 10-86 лет). Наиболее упоминаемыми способами самоубийств в репортажах были повешение (67,9%), применение огнестрельного оружия (18,3%) и самоотравление (8,9%). Среди причин часто указывались супружеские или семейные проблемы; психические расстройства и финансовые проблемы [36]. В Ираке из 130 новостных сообщений в Google (в ноябре и декабре 2020 г. с поисковым запросом «новости о самоубийствах в Ираке») название метода самоубийств было упомянуто в 88,5% статей, монопричинность – в 34,6%; термин «суицид» встречался в 94,6% заголовков сообщений, метод – в 27,7%. Только в 5,4% отчётов прослеживались психические расстройства, в 6,9% приводилось мнение экспертов, и ни в одном – не упоминались программа профилактики и/или образовательная информация [37]. Многие схожие тенденции, описанные выше (избирательность в выборе половозрастных групп суицидентов, жителей Чебоксар, других городов Чувашии, методов самоубийств; отсутствие информации о наличии психических расстройств, употреблении суицидентами алкоголя или других психоактивных веществ, зачастую незнание причин их ухода из жизни), с большой долей уверенности можно предполагать в настоящей работе, полностью основанной на материале из республиканских

incomplete, for example, too many student suicides were reported. Based on their analysis, the authors recommended a partnership approach with the active participation of the media in suicide prevention, so that communications professionals can be more actively involved in suicide prevention work [34]. Compared to youth (50.5%) and urban (91.6%) suicides, social media underreported suicides among the elderly (8.2%) and rural (8.4%). The practice of useful reporting was very limited (for example, only 0.08% of the reports contained direct information about support programs for people at “suicidological risk”) [35].

In Ghana's online media, suicide victims were predominantly men (85.9%) and young adults (mean age 34.8±15.7, range 10-86 years of age). The most mentioned methods of suicide in the reports were hanging (67.9%), use of firearms (18.3%) and self-poisoning (8.9%). Reasons often cited were marital or family problems; mental disorders and financial problems [36]. In Iraq, out of 130 Google news posts (November and December 2020 searching for "Iraq suicide news"), the name of the suicide method was mentioned in 88.5% of the articles, monocausation in 34.6%; the term "suicide" was found in 94.6% of message headings, the method – in 27.7%. Only 5.4% of the reports identified psychiatric disorders, 6.9% provided expert opinion, and none mentioned a prevention program and/or educational information [37]. Many of the similar trends described above (selectivity in the choice of sex and age groups of suicides, residents of Cheboksary and other cities of Chuvashia, suicide methods; lack of information about the presence of mental disorders, the use of alcohol or other psychoactive substances by suicide attempters, often ignorance of the reasons for their death), with a large certainty can be assumed in this work, which is based entirely on material from the republican electronic media.

Thus, the study made it possible to obtain general information about suicidal behavior in Chuvashia, the age and sex composition of suicides, methods and

электронных СМИ.

Таким образом, проведённое исследование позволило получить общую информацию о суицидальном поведении в Чувашии, половозрастном составе суицидентов, способах и мотивах самоубийств. В обследуемой выборке преобладало городское население и молодые люди, что может не отражать реальный демографический состав жителей региона, совершивших самоубийства. Нужны дополнительные изыскания с расширением числа наблюдений, особенно из сельской местности, среди мужчин, лиц с психическими патологией и старших возрастных групп. Особого внимания требуют случаи суицидального поведения, совершающегося в состоянии опьянения от алкоголя (других психоактивных веществ). Сбор материала также желательно проводить с использованием метода психологической аутопсии, и с учётом данных судебно-медицинского исследования (экспертизы).

motives for suicide. The surveyed sample was dominated by the urban population and young people, which may not reflect the real demographic composition of the region's residents who committed suicide. Additional research is needed with the expansion of the number of observations, especially from rural areas, among men, people with mental disorders and older age groups. Cases of suicidal behavior committed in a state of intoxication from alcohol (other psychoactive substances) require special attention. It is also desirable to collect material using the method of psychological autopsy, and taking into account the data of a forensic medical examination (expertise).

Литература / References:

1. Национальное руководство по суицидологии / под ред. Б.С. Положего. М.: МИА, 2019. 600 с. [National Guide to Suicidology / Ed. B.S. Polozhy. Moscow: MIA, 2019. 600 p.] (In Russ)
2. Pompili M., O'Connor R.C., van Heeringen K. Suicide Prevention in the European Region. *Crisis*. 2020 Mar; 41 (Suppl 1): S8-S20. DOI: 10.1027/0227-5910/a000665
3. Guzmán E.M., Cha C.B., Ribeiro J.D., Franklin J.C. Suicide risk around the world: a meta-analysis of longitudinal studies. *Soc. Psychiatry Psychiatr. Epidemiol.* 2019 Dec; 54 (12): 1459-1470. DOI: 10.1007/s00127-019-01759-x
4. Berardelli I., Rogante E., Sarubbi S., Erbuto D., Cifrodelli M., Concolato C., Pasquini M., Lester D., Innamorati M., Pompili M. Is Lethality Different between Males and Females? Clinical and Gender Differences in Inpatient Suicide Attempters. *Int. J. Environ Res. Public Health*. 2022 Oct 15; 19 (20): 13309. DOI: 10.3390/ijerph192013309
5. Wu Y., Schwebel D.C., Huang Y., Ning P., Cheng P., Hu G. Sex-specific and age-specific suicide mortality by method in 58 countries between 2000 and 2015. *Inj. Prev.* 2021 Feb; 27(1):61-70. DOI: 10.1136/injuryprev-2019-043601
6. Cai Z., Junus A., Chang Q., Yip P.S.F. The lethality of suicide methods: systematic review and meta-analysis. *J. Affect. Disord.* 2022 Mar 1; 300: 121-129. DOI: 10.1016/j.jad.2021.12.054
7. Turecki G., Brent D.A. Suicide and suicidal behaviour. *Lancet*. 2016 Mar 19; 387 (10024): 1227-1239. DOI: 10.1016/S0140-6736(15)00234-2
8. Suicide. <https://www.who.int/news-room/factsheets/detail/suicide>
9. Суицидальные и несуйцидальные самоповреждения подростков / Коллективная монография. Под редакцией проф. П.Б. Зотова. Тюмень: Вектор Бук, 2021. 472 с. ISBN 978-5-91409-537-3. [Suicidal and non-suicidal self-harm in adolescents. Edited by Prof. P.B. Zotov. Tyumen: Vector Book, 2021. 472 p.] (In Russ)
10. Голенков А.В., Карышев П.Б. Самоубийства в старших половозрастных группах населения Чувашии. Третий съезд психиатров, наркологов и психотерапевтов Чувашской Республики. Тезисы докладов. Чебоксары, 2005: 213-214. [Golenkov A.V., Karyshev P.B. Suicides in older sex and age groups of the population of Chuvashia. The third congress of psychiatrists, narcologists and psychotherapists of the Chuvash Republic. Abstracts of reports. Cheboksary, 2005: 213-214] (In Russ)
11. Карышев П.Б., Голенков А.В. Распространенность самоубийств у несовершеннолетних в Чувашской Республике. Третий съезд психиатров, наркологов и психотерапевтов Чувашской Республики. Тезисы докладов. Чебоксары, 2005: 143-145. [Karyshev P.B., Golenkov A.V. Prevalence of suicide among minors in the Chuvash Republic. The third congress of psychiatrists, narcologists and psychotherapists of the Chuvash Republic. Abstracts of reports. Cheboksary, 2005: 143-145.] (In Russ)
12. Миронец Е.Н., Голенков А.В., Карышев П.Б. Эпидемиология самоубийств в г. Чебоксары. *Проблемы экспертизы в медицине*. 2003; 3 (3-11): 31-33. [Mironets E.N., Golenkov A.V., Karyshev P.B. The epidemiology of suicide in Cheboksary. *Problems of expertise in medicine*. 2003; 3 (3-11): 31-33.] (In Russ)
13. Голенков А.В. Психические расстройства как медико-социальная проблема (региональный аспект): Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора мед. наук. М., 1998. 38 с. [Golenkov A.V. Mental disorders as a medical and social problem (regional aspect): Abstract of the thesis for the degree of Dr. med. sciences. Moscow, 1998. 38 p.] (In Russ)
14. Голенков А.В., Козлов А.Б., Андреева А.П., Карышев П.Б. Клинико-типологическая структура самоубийств у лиц с психической и наркологической патологией. Третий съезд психиатров, наркологов и психотерапевтов Чувашской Республики. Тезисы докладов. Чебоксары, 2005: 215-217. [Golenkov A.V., Kozlov A.B., Andreeva A.P., Karyshev P.B. Clinical and typological structure of suicides in persons with mental and narcological pathology. The third congress of psychia-

- trists, narcologists and psychotherapists of the Chuvash Republic. Abstracts of reports. Cheboksary, 2005: 215-217.] (In Russ)
15. Сапожников С.П., Козлов В.А., Карышев П.Б., Голенков А.В. Возрастная динамика суицидов. *Академический журнал Западной Сибири*. 2021; 17 (1): 3-4. [Sapozhnikov S.P., Kozlov V.A., Karyshev P.B., Golenkov A.V. Age dynamics of suicides. *Academic Journal of West Siberia*. 2021; 17 (1): 3-4. DOI: 10.18071/isz.75.0099] (In Russ)
  16. Sapozhnikov S., Golenkov A., Rihmer Z., Ungvari G.S., Gazdag G. Weekly patterns of suicide and the influence of alcohol consumption in an urban sample. *Ideggyogyaszati Szemle*. 2022; 75, 3-4: 99-104. DOI: 10.18071/isz.75.0099
  17. Карышев П.Б., Сапожников С.П., Голенков А.В. Микроритмы суицидального поведения (региональный аспект). Личность и здоровье в эпоху новых ценностей: Материалы международной науч. конф., посвященной 20-летию Республиканского психотерапевтического центра Чувашии. Чебоксары, 2007: 123-125. [Karyshev P.B., Sapozhnikov S.P., Golenkov A.V. Microrhythms of suicidal behavior (regional aspect). Personality and health in the era of new values: Proceedings of the international scientific. Conf. dedicated to the 20th anniversary of the Republican Psychotherapeutic Center of Chuvashia. Cheboksary, 2007: 123-125.] (In Russ)
  18. Голенков А.В. Постгомицидные самоубийства у лиц пожилого возраста. *Девиантология*. 2021; 5 (1): 9-13. DOI: 10.32878/devi.21-5-01(8)-9-13 [Golenkov A.V. Posthomicidal suicide in the elderly people. *Deviant Behavior (Russia)*. *Deviant Behavior (Russia)*. 2021; 5 (1): 9-13. DOI: 10.32878/devi.21-5-01(8)-9-13] (In Russ)
  19. Зотов П.Б., Спадерова Н.Н., Лебедев А.В. Постгомицидные самоубийства в Тюменской области (2008-2020 гг.). *Научный форум. Сибирь*. 2021; 7 (2): 34-39. [Zotov P.B., Spaderova N.N., Lebedev A.V. Posthomicidal suicides in the Tyumen region (2008-2020). *Scientific forum. Siberia*. 2021; 7 (2): 34-39.] (In Russ)
  20. Уманский М.С., Хохлов М.С., Зотова Е.П., Быкова А.А., Лончакова И.В. Завершённые суициды: соотношение мужчин и женщин. *Академический журнал Западной Сибири*. 2018; 14 (3): 76-77. [Umansky M.S., Khokhlov M.S., Zotova E.P., Bykova A.A., Lonchakova I.V. Suicides: the ratio of men and women. *Academic Journal of West Siberia*. 2018; 14 (3): 76-77.] (In Russ)
  21. Антонова Н.Д., Голенков А.В. Освещение случаев убийств и самоубийств в региональных средствах массовой информации. *Академический журнал Западной Сибири*. 2022; 18 (1): 3-7. DOI: 10.32878/sibir.22-18-01(94)-3-7 [Antonova N.D., Golenkov A.V. Coverage of homicides and suicides in the regional media. *Academic Journal of West Siberia*. 2022; 18 (1): 3-7. DOI: 10.32878/sibir.22-18-01(94)-3-7] (In Russ)
  22. Зотов П.Б., Бuzик О.Ж., Уманский М.С., Хохлов М.С., Зотова Е.П. Способы завершённых суицидов: сравнительный аспект. *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*. 2018; 3 (100): 62-66. DOI: 10.26617/1810-3111-2018-3(100)-62-66 [Zotov P.B., Buzik O.J., Umansky M.S., Khokhlov M.S., Zotova E.P. Methods of suicides: a comparative aspect. *Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*. 2018; 3 (100): 62-66. DOI: 10.26617/1810-3111-2018-3(100)-62-66] (In Russ)
  23. Chen Y.Y., Lee M.B., Chang C.M., Liao S.C. Methods of suicide in different psychiatric diagnostic groups. *J. Affect. Disord.* 2009 Nov; 118 (1-3): 196-200. DOI: 10.1016/j.jad.2009.05.020
  24. Chen Y.Y., Chen F., Yip P.S. The impact of media reporting of suicide on actual suicides in Taiwan, 2002-05. *J. Epidemiol. Community Health*. 2011 Oct; 65 (10): 934-940. DOI: 10.1136/jech.2010.117903
  25. Chen Y.Y., Liao S.F., Teng P.R., Tsai C.W., Fan H.F., Lee W.C., Cheng A.T. The impact of media reporting of the suicide of a singer on suicide rates in Taiwan. *Soc. Psychiatry Psychiatr. Epidemiol.* 2012 Feb; 47 (2): 215-221. DOI: 10.1007/s00127-010-0331-y
  26. Niederkrotenthaler T., Braun M., Pirkis J., Till B., Stack S., Sinyor M., Tran U.S., Voracek M., Cheng Q., Arendt F., Scherr S., Yip P.S.F., Spittal M.J. Association between suicide reporting in the media and suicide: systematic review and meta-analysis. *BMJ*. 2020 Mar 18; 368: m575. DOI: 10.1136/bmj.m575
  27. Huisman A., van Houwelingen C.A., Kerkhof A.J. Psychopathology and suicide method in mental health care. *J. Affect. Disord.* 2010 Feb; 121 (1-2): 94-99. DOI: 10.1016/j.jad.2009.05.024
  28. Nielssen O., Glozier N., Babidge N., Reutens S., Andrews D., Gerard A., Malhi G.S., Large M.M. Suicide attempts by jumping and psychotic illness. *Aust. NZJ Psychiatry*. 2010 Jun; 44 (6): 568-573. DOI: 10.3109/00048671003606086
  29. Todorov L., Vulser H., Pirracchio R., Thauvin I., Radtchenko A., Vidal J., Guigui P., Limosin F., Lemogne C. Suicide attempts by jumping and length of stay in general hospital: A retrospective study of 225 patients. *J. Psychosom. Res.* 2019 Apr; 119: 34-41. DOI: 10.1016/j.jpsychores.2019.02.001
  30. Singh R., Mahato S., Khadka S., Basnet P., Bista K., Karki R., Arafat S.M.Y. Newspaper reporting of suicide in Nepal: Quality assessment against World Health Organization media guidelines. *Health Sci. Rep.* 2022 Mar 7; 5 (2): e547. DOI: 10.1002/hsr.2.547
  31. Armstrong G., Vijayakumar L., Pirkis J., Jayaseelan M., Cherian A., Soerensen J.B., Arya V., Niederkrotenthaler T. Mass media representation of suicide in a high suicide state in India: an epidemiological comparison with suicide deaths in the population. *BMJ Open*. 2019 Jul 18; 9 (7): e030836. DOI: 10.1136/bmjopen-2019-030836
  32. Chandra P.S., Doraiswamy P., Padmanabh A., Philip M. Do newspaper reports of suicides comply with standard suicide reporting guidelines? A study from Bangalore, India. *Int. J. Soc. Psychiatry*. 2014 Nov; 60 (7): 687-694. DOI: 10.1177/0020764013513438
  33. Fu K.W., Chan Y.Y., Yip P.S. Newspaper reporting of suicides in Hong Kong, Taiwan and Guangzhou: compliance with WHO media guidelines and epidemiological comparisons. *J. Epidemiol. Community Health*. 2011 Oct; 65 (10): 928-933. DOI: 10.1136/jech.2009.105650
  34. Au J.S., Yip P.S., Chan C.L., Law Y.W. Newspaper reporting of suicide cases in Hong Kong. *Crisis*. 2004; 25 (4): 161-168. DOI: 10.1027/0227-5910.25.4.161
  35. Lai K., Li D., Peng H., Zhao J., He L. Assessing Suicide Reporting in Top Newspaper Social Media Accounts in China: Content Analysis Study. *JMIR Ment. Health*. 2021 May 13; 8 (5): e26654. DOI: 10.2196/26654
  36. Abdulai T. Trends of online news media reported suicides in Ghana (1997-2019). *BMC Public Health*. 2020 Jan 9; 20 (1): 35. DOI: 10.1186/s12889-020-8149-3

37. Arafat S.M.Y., Ahmad A.R., Saeed A.K., Menon V., Shoib S., Kar S.K. Quality of media reporting of suicide in Iraq.

Int. J. Soc. Psychiatry. 2022 Mar; 68 (2): 443-448. DOI: 10.1177/00207640211003928

SUICIDES IN THE CHUVASH REPUBLIC (according to electronic media in 2002-2021)

V.A. Kozlov, A.V. Golenkov,
D.A. Ivanova, E.K. Bakhman

I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; golenkovav@inbox.ru
Republican Children's Clinical Hospital, Cheboksary, Russia

Abstract:

The aim of the study: to study the structure, dynamics and motives of completed suicides in Chuvashia from 2002 to 2021. *Materials and methods.* In the electronic media of the Chuvash Republic for 20 years (2002-2021) it was possible to collect information on 409 cases (men – 281, women – 128) of suicides (from 2 to 54 cases per year) committed by persons aged 11 to 93 years old (mean age 35.8 ± 16.9 years). For each case of suicide, demographic indicators (gender, age), the presence of mental disorders, alcohol use, probable causes (motives) were written out. *Results.* The majority (78.2%) of suicides were of working age (18-59 years of age). Hanging was the most common way of voluntary death (54.5%), which was more common in men (59.4% vs 43.8% in women), especially in the group of 18-59 years old. This was followed by jumping (falling) from a height (30.6%); here, among suicides, women were already in the lead (43.8% vs 24.6% for men). The other methods of suicide accounted for about 15% in total. At the same time, there were cases of death with the help of firearms, which were resorted to only by men (7.5%). Of the causes of suicide, conflicts in interpersonal relationships were in the lead (28.3%). Particularly significant was the break in relations with the opposite sex for girls, as a result of which they committed suicide (41.1% vs 18.2% for men). In almost half of the cases (48.2%), the motives for leaving life could not be established. In men, suicide was more often caused by various administrative punishments (7.4%), and in women, it was the behavior of others leading them to commit suicide (6.3% vs 1.8% in men). Mental disorders in suicides occurred in isolated cases (2%), intoxication - somewhat more often (13%). Hanging in the last decade was mentioned much less often in journalistic reports (64.4% vs 45.6% in 2012-2021), and jumping from a height more than twice as often (40.9% vs 19.1%). *Conclusion.* Over the past 20 years, the age of suicides has decreased, the structure of suicide methods and their causes have changed somewhat. More research is needed to develop effective suicide prevention programs in the republic.

Keywords: suicide, demography, causes, Chuvashia (Cheboksary)

Вклад авторов:

V.A. Kozlov: разработка дизайна исследования; написание текста рукописи; редактирование текста рукописи; обзор и перевод публикаций по теме статьи

A.V. Golenkov: разработка дизайна исследования; написание текста рукописи; редактирование текста рукописи; обзор и перевод публикаций по теме статьи

D.A. Ivanova: сбор и анализ материала;

E.K. Bakhman: сбор и анализ материала.

Author' contributions:

V.A. Kozlov: developing the research design, article writing and editing; reviewing of publications of the article's theme;

A.V. Golenkov: developing the research design, article writing and editing; reviewing of publications of the article's theme;

D.A. Ivanova: collection and analysis of material;

E.K. Bakhman: collection and analysis of material.

Финансирование: Данное исследование не имело финансовой поддержки.

Financing: The study was performed without external funding.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 10.10.2022. Принята к публикации / Accepted for publication: 05.11.2022.

Для цитирования: Козлов В.А., Голенков А.В., Иванова Д.А., Бахман Е.К. Самоубийства в Чувашской Республике (по данным электронных СМИ в 2002-2021 гг.). *Суцидология.* 2022; 13 (4): 80-90. doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-04(49)-80-90

For citation: Kozlov V.A., Golenkov A.V., Ivanova D.A., Bakhman E.K. Suicides in the Chuvash Republic (according to electronic media in 2002-2021). *Suicidology.* 2022; 13 (4): 80-90. doi.org/10.32878/suiciderus.22-13-04(49)-80-90 (In Russ)